

ЦИКЛ
«РЕКИ АЖИ»

Течение

Пороги

Омут

Берег

АНАСТАСИЯ
ГРАЕВСКАЯ

Реки
лужи
Течение

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Иллюстрация на переплёте *Елены Колодий (иен)*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Иллюстрации в макете *Анастасии Граевской*

Иллюстрация на нахзаце — *Змеиный клубок*

Иллюстрация на форзаце *ChBk*

Граевская, Анастасия.

Г75 Реки лжи. Течение / Анастасия Граевская. —
Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-243230-9

По капризу отца девушка донашивает жизнь за погибшим братом. Молодой барон не может купить себе счастье и всё глубже увязает в чужих и личных грехах. А его младший брат, жертва амбиций властных родственников, едва ли управляет своей жизнью.

Их первое дело начинается с безобидной охоты на медузу, но тайны прошлого бросают тени на настоящее, и одна беда тянет за собой другую.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Граевская А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243230-9

ИСТОК

1

— Моргана, опасно столько смотреть на солнце.

В голосе брата, негромком и усталом, слыла печаль. Морган прекрасно видел, каким солнцем она любовалась. И отец, граф де Монфор, заметь он ее оплошность первым, нашел бы, что сказать дочери, которая прилюдно глазееет на нувориша.

Моргана опустила взгляд. Силуэт в золотистом ореоле, четко выделявшийся на фоне неба, распался красными пятнами. Солнца, впрочем, не требовалось: она всегда видела Уилберта так, словно его окружало слепящее марево. Он пытался погладить коня, а тот, чувствуя нервозность всадника, пофыркивал и перебирал ногами.

— Ты очень бледна. — Морган тоже проследил взглядом за старшим сыном барона Гримвуда. Моргане никогда не удавалось прочесть по лицу брата, что он думает об этом человеке.

— Не беспокойся.

ИСТОК

— Уверена, что хочешь ехать? Я могу поговорить с отцом.

Моргана покачала головой. Брат едва ли обрадовался бы, узнав, к чему сводятся ее сегодняшние надежды: Уилберт Гримвуд увезет ее в Шотландию или пристрелит, как лисицу, прямо на этой богом проклятой охоте.

— Не нужно. Но спасибо.

Кивнув близнецу, Моргана двинулась к лошади. Она едва могла дышать, и не знала, винить в этом корсет или светловолосую голову Гримвуда. Они не виделись без малого три года, а теперь он один мог спасти ее жизнь. Хотя бы то, что еще оставалось. Уилберту в декабре исполнится двадцать один, и он, если верить словам его брата, еще ни с кем не обручился. Сегодня или никогда.

Из-за недостатка воздуха у Морганы страшно кружилась голова. Амазонку из плотного бархата в последний момент подшивали прямо на ней, и платье облегалo фигуру как перчатка, к удовольствию матери и модистки, похоже позабывших, что от нее требуется не только «блистать», но и держаться в седле. Затянутая в корсет Моргана чувствовала ноющую боль в ребрах, а ног не чувствовала вовсе и передвигалась скорее по памяти, как кукла на веревочках, ведомая кукловодом.

Может, свернуть себе шею на галопе для нее было и не худшим вариантом.

— Моя дорогая! Я знаю, как ты любишь охоту, но будь осторожна и держись ближе ко мне.

Ритуал «родственная любовь» был соблюден со всем тщанием. Едва ли кто-то посторонний услышал в нежной материнской просьбе предупреждение.

Графиня в последний раз оглядела амазонку Морганы, на полдюйма поправив воротник. Парижская портниха пошила верх из темно-изумрудного бархата, чтобы каждый мог убедиться: род де Монфор по-прежнему способен выложить за наряд дочери цену, близкую к годовому доходу скромного поместья.

Моргана скверно разбиралась в деньгах, но хорошо понимала, что происходит: роскошная амазонка была из того же разряда, что вывеска над ресторацией. Отцу требовалось «показать товар лицом», и он не постыжился, оборачивая в бархат девицу, которую небеса не наделили ослепительной красотой. Единственной дочери графа красота и не требовалась: в ее жилах текла кровь, которую отец решил дорого продать своему приятелю по палате лордов и уже сговорился с лордом Глиффордом, стариком втрое старше Морганы. Право голоса в вопросах брака имели только любимые дети, а значит, в их семье подобный казус не случился бы.

Если бы отец умер в ближайшую пару лет, Морган сумел бы спасти ее. Заключил бы договор с Гримвудами — то, чего граф не допустил бы никогда. Моргана бы стала женой Уилберта, пусть даже к алтарю ей пришлось бы идти босиком по битому стеклу. Да что идти — она бежала бы туда со счастливой улыбкой.

Но в свои неполные пятьдесят отец был крепок здоровьем и, как следствие, ее ожидала куда менее приятная судьба.

«Если Уилберт не посватается, на следующей охоте перережу подпругу. Видит небо, перережу. Мне шестнадцать, пройдет два года, прежде чем сбыть меня Глиффорду станет приличным, я успею».

Дождавшись пения трубы, Моргана взлетела в седло, не забыв в последний момент перехватить юбку,

чтобы ткань легла красивыми складками. Собственно, большего с нее в этот день и не требовалось.

Уилберт оседлал коня. Чего ему при его колене это стоило — знал один он да Бог в небе. Моргана видела, что Уилберт держался неестественно прямо, точно иллюстрация в учебнике этикета.

Начиналась парфорсная охота. Веселый праздник жизни, некоторым участникам которого предстояло умереть.

В морозном воздухе далеко разносились рожки, лай, смех. Все приходило в движение. Вокруг Моргану закружилось множество цветных пятен, запахов и звуков, сменяющих друг друга безо всякого порядка. Ее снова начало мутить.

Моргана до одури боялась отца, не любила скопления людей и вовсе не рвалась увидеть, что стая собак сделает с несчастной лисицей. Она слегла бы с нервной лихорадкой еще утром, но Морган предупредил, что на огонек заглянут соседи, барон Гримвуд с семьей — женой и обоими сыновьями. Не иначе граф де Монфор, однажды получивший изрядно шпилек от леди Гримвуд, решил показать новым дворянам, как развлекается настоящая — природная — знать. Ну и заодно заставил обидчицу лишний раз продемонстрировать всему цвету общества покалеченного пасынка. Скорее дождь пошел бы вверх, чем чета Гримвудов, приняв такое приглашение, позволила бы Уилберту остаться дома.

Силы Моргану поддерживала лишь надежда оторваться во время охоты от матери и переговорить с Уилбертом наедине. Надежда, как она понимала, призрачная. Ей бы никогда не позволили в одиночку ускакать далеко вперед. И, даже если бы произошло

чудо, она не сумела бы связать при нем и двух слов, не говоря уж о таком рискованном предложении, как выбор между венчанием в Шотландии и убийством из милосердия. Он не стал бы смеяться, но, вероятно, повезли бы ее не в Шотландию, а к специалисту по душевным болезням.

К тому же, зная амбиции барона Гримвуда, Уилберта тоже кому-то да продали бы: деньги их семейству были без надобности, а вот бедная дворянка хорошего рода сошла бы за удачную партию. Правда, у «товара» имелся видимый дефект: лет семь назад, будучи в школе, Уилберт неудачно сломал ногу. Подробностей Моргана не знала. Вышла какая-то некрасивая история, в которой фигурировал разбитый нос виконта, падение с лестницы и скверно оказанная помощь. Дело было давнее и темное, но теперь Уилберт ходил с тростью, а танцевать мог разве только в ее снах.

Моргана бросила быстрый взгляд на леди Гримвуд. Мать называла ее не иначе как «испанская холера». Моргана не вполне понимала, сколько в этом определении неприязни, и сколько — зависти. Госпожа Пилар с ее южной красотой и в вызывающе рубиновой амазонке выделялась в толпе дам, как райская птица в стае галок. Она, несомненно, была красивой и смелой женщиной — и только. Хорошая женщина не допустила бы, чтобы ее покалеченный пасынок лез в седло на глазах у доброй сотни человек.

«Боже, ты есть в небесах. Помоги Уилберту. Помоги мне. Нам не надо многого. Я готова жить у моря и вязать сети, сама разводить огонь в очаге и сама стряпать. Готова носить лен и есть соль дважды в году...»

Моргана еще много чего пообещала бы в беззвучной молитве, обращенной к холодным осенним не-

бесам, но тут снова звонко запела труба. Кавалькада тронулась. Собаки с лаем неслись впереди. Всадники замелькали размытыми цветными пятнами. Моргана, мертвой хваткой вцепившаяся в поводья, едва дышала в корсете. Эмбер, ее лошадь, мчалась вперед, сама выбирая дорогу.

Свет, тень, яркие одежды, синее небо и серо-желтая трава сменялись в каком-то безумном хороводе. Она потеряла из вида Уилберта, мать, брата — всех, кого могла хоть как-то опознать. Сердце уже колотилось в самом горле.

«А я и вправду могу упасть».

Моргана словно очнулась, разом ощутив бьющий в лицо ветер, съехавшую на лоб шляпу, жесткие ребра корсета, тряску седла и дробь, которую выбивали из гравия аллеи копыта.

Да, она могла упасть. Это разом разрешило бы все проблемы, и, при ее трусости, другого способа их разрешить не существовало. Завалиться на бок, выпустить поводья на полном скаку — какая-то секунда. Не долгая, изнурительная и безнадежная борьба, а мгновенная вспышка отваги, за которой уже ничего нет. Собраться и разом покончить с лордом Глиффордом, с отцом и матерью, с тем, что Уилберт не отведет ее к алтарю, да и сам не дойдет туда без трости. Она не была слепой и видела, как порой трепещут ноздри его носа и какими широкими делаются зрачки. Какая ненужная легкость сохранилась в его жестах и как он ковыляет со своей тросточкой, будто цепью прикованный к проклятой палке и к земле под ней. Нет, Моргане определенно не хотелось оставаться в мире, который так жестоко обошелся с ним и с ней.

«Морган меня простит». Поменяйся они местами, Моргана бы простила.

Падать на аллее, на глазах у других охотников и так близко к поместью, конечно, было нельзя: могли успеть послать за доктором. Собаки уже унеслись далеко вперед и вырвались в поля. Там вились изгороди, и всадники шли бы не так кучно. Она могла отстать и потом не взять барьер. Мало ли леди каждый сезон расшибаются на галопе.

Едва Моргана приняла решение, ее разом оставил всякий страх. Чудовищное будущее сжалось в отрезок от пары минут до пары часов и растеряло силу. Она выпала из сложной цепи причин и следствий, долгов и платежей.

Камешек, попавший под копыта, выбил из подковы холодный звон. Моргана едва не рассмеялась в голос.

«Я только в последний раз взгляну на Уилберта».

Осуди ее мать или весь свет, им пришлось бы приложить немалые усилия, чтобы их мнение услышали за гробом.

Эмбер, почуяв настроение всадницы, припустила быстрее. Моргана, склонившись к луке седла, всматривалась в красные рединготы и цветной калейдоскоп амазонок, словно для яркости сбрызнутый осенним солнцем и ажурной тенью листвы. Рубиново-алое, летящее впереди пятно — Пилар. Обошла всех дам и большинство мужчин, перебивать ей кости будут до Рождества, не иначе. Дочка какого-то коневода, испанка, «холера». Мачеха Уилберта была года на четыре моложе матери Морганы, а выглядела едва ли не ровесницей ее дочери.

Вторую баронессу Гримвуд женская часть светского общества ненавидела даже сильнее, чем первую. И если вина леди Дженнифер Гримвуд — матери Уилберта — сводилась к ее поразительной, поистине ангельской красоте, то Пилар уязвила дам гораздо сильнее: она смела любить жизнь и — того хуже — смела это показывать. Люби эта женщина хоть немного и своего пасынка, она стала бы кумиром Морганы. Но три года назад на обеде у де Монфоров Пилар защищала Уилберта как вещь, словно он представлял собою не слишком хорошо начищенное столовое серебро.

За тем обедом Моргана впервые в жизни разбила чашку нарочно. Все обернулись на грохот, и вежливый обмен колкостями затих сам собой. А вечером следующего дня, когда гости отбыли и розги плавали в соляном растворе, дожидаясь своего часа, дело спасла только лихорадка, уложившая ее в постель на неделю.

Впрочем, выпори ее тогда до бесчувствия, Моргана расколотила бы ту чашку столько раз, сколько потребовалось бы для прекращения издевательства. Она не поняла, что било Уилберта больнее: завуалированные издевки графа вкупе с лицемерным сочувствием графини или полупрезрительная оборона баронессы при ледяном молчании барона. Уилберт не произнес ни слова, точно разговор взрослых шел не о нем и никак его не касался. Он совершенно механическими, неестественно точными, будто у заводной куклы взятыми движениями резал мясо на тарелке. Не дрожали ни руки, ни губы, ни ресницы и, казалось, он даже не дышал. Но Моргане почему-то запомнилось, что это было очень страшно.

Моргана сморгнула слезы, которые вышиб то ли ветер, то ли промелькнувшее воспоминание. Как хо-

рошо, что и это не повторится. Через год Уилберт встретит совершеннолетие, и ни один человек больше не посмеет оскорбить его. Или хотя бы не сумеет сделать это безнаказанно.

Большинство всадников рассыпались по полю малыми группками и уже оторвались далеко, когда она наконец разглядела, что искала. Высокий серый гунтер, высокий всадник на нем. Уилберт не мчался лихим карьером, но явно старался не отстать совсем. На охоте, где они встретились впервые, он поступал так же, разве что держался в седле хуже. Похоже, за три года сумел как-то приспособиться к увечью.

Аллея заканчивалась, дальше лежали поля и за ними — тонущий в осеннем золоте лес. Моргана с минуты держалась позади Уилберта, потом все же обошла. Набралась храбрости, обернулась. Едва ли ей удалось послать улыбку разом прелестную и скромную, как поступали девицы в романах, но от человека, который через четверть часа ляжет на землю со сломанной шеей, много и не требовалось.

Вдруг потом, долгие годы спустя, перебирая события своей юности, Уилберт вспомнит сегодняшний день и поймет, что хотя бы однажды он встретил на своем пути любовь. Что жил под этим небом человек, для которого он, Уилберт Гримвуд, был дороже самого неба.

Моргана не увидела, ответил ли Уилберт на ее улыбку. Удивился он, смутился или разозлился — золотистый свет стирал такие несущественные детали.

Эмбер вырвалась в поля, одетые в изморозь раннего ноября. Моргана послала лошадь в карьер. Положение уже выглядело опасным — одна кротовая нора — и скачка, и без того балансирующая на грани

полета и падения, прекратится. То, чего она боялась и чего ждала.

Моргана еще раз обернулась через плечо, но Уилберта уже не увидела: того скрывал подъем. Зато далеко впереди, у самой кромки леса, узнала брата и его коня. Они друг другу подходили — оба рыжеватые и флегматичные. Морган не любил насилия и не рвался первым увидеть, как свора псов растерзает несчастную лисицу, но Моргана прекрасно слышала вчерашний выговор отца на предмет толковых и бестолковых наследников. Может, королем охоты Моргану и не стать, но граф желал видеть сына в голове кавалькады, а не плетущимся в хвосте, как хромо́й выродок нуворишей. Ровно эти слова он и употребил в своем родительском наставлении.

Морган скрылся в лесу. Эмбер лихо перемахнула изгородь и помчалась в сторону оврага, по дну которого летом журчал ручей. Теперь там блестела полоска тонкого ледка.

Лучшего места для осуществления своего плана Моргана бы не нашла. Но вместо того, чтобы освободить ногу из стремени, завалиться на бок и выпустить поводья, она отчего-то только вцепилась в них крепче и наклонилась вперед. Белая корка едва слышно хрустнула под копытами приземлившейся Эмбер, и лошадь оказалась на другой стороне оврага. Мелькнула седая трава, несколько рытвин, оставленных проехавшими прежде всадниками, и перед Морганой вновь открылись поле и серо-желтая, словно нарисованная акварелью на фоне синих небес стена леса.

«Я могу сделать это на обратном пути».

У нее заledenели кончики пальцев в перчатках. Как будто она совершила оплошность на глазах отца или

происходит какая-то другая непоправимая катастрофа. Под ребрами кольнула вспышка боли.

«Все дело в корсете».

Моргана буквально кожей почувствовала, что нет, не в нем. Сломалось не ребро корсета, а что-то в самом мире, холодном и бескрайнем, уже почти переставшим быть ей домом.

Уилберт мог вылететь из седла. Верховая езда давалась ему с трудом, и он был слишком гордым, чтобы позволить кому-то это заметить. А спуск к оврагу был крутым.

Эмбер несла к лесу, на звонкий собачий лай и пение рожка, вьющееся над полем как какая-то странная поземка. Моргана пыталась вдохнуть. Она больше не могла ни повернуть, ни даже остановить лошадь.

Трава. Солнце. Синее небо, исчерканное черным и желтым. Лесная дорожка. Все мелькало хаотично и вместе с тем подчиняясь какому-то непонятному закону, будто в быстром танце.

Отцовский окрик плетью хлестнул по ушам. Только он и привел Моргану в себя. Она, словно механическая игрушка, выполнила его команду едва ли не раньше, чем уловила ее смысл.

Остановиться.

Когда отец выволакивал ее из седла, а кто-то еще заводил Эмбер за кусты, в голове Морганы мелькали самые разные мысли. Граф видел, как она смотрела на Уилберта Гримвуда и прямо сейчас объяснит падшей девке, как больно быть таковой. Или узнал о задуманном ею самоубийстве и вколотит в нее еще немного Божьего закона и дочерней почтительности. Или ее, как в страшной сказке, принесут в жертву лесу, прибавив сердце к черной коре.